

По правде говоря, Фань Сянь не знал, что тонкости нейгун, описанные в книге и практикуемые им, являются чрезвычайно углублённым методом внутреннего совершенствования. Если бы на его месте был обычный практик боевых искусств, то он продвигался бы очень медленно и с чрезвычайной осторожностью, к тому же обязательно попросил бы учителя или заслуживающего доверия друга помочь проследить за процессом совершенствования.

Самым опасным был начальный этап практики. При накапливании ци в даньтяне и сюэшане, области в районе лобка и копчика, возникало расхождение между скоростью реакций тела и сознания. Самым прямым последствием этого являлась потеря способности двигать телом, что превращало человека в подобие овоща.

В этот момент неопытный практик легко мог принять подобное за отклонение в практике и принудительно направить истинную ци в свои органы. Если практик удачлив и исключительно силён, возможно, он смог бы собрать беспорядочно движущуюся по каналам тела истинную ци, но всё это было бесполезно. Новичок в такой ситуации может запаниковать, и тогда это действительно способно вызвать отклонения в практике, приводящие к одержимости.

Хотя Фань Сянь и походил на новичка, но он не только не пострадал от отклонения, но и благодаря своему прошлому и удаче гораздо легче, чем сильный практик, сумел достичь ощущения сокровенного. А всё потому, что когда он начал практиковать этот безымянный метод укрепления истинной ци, он всё ещё находился в теле младенца. Пренатальная ци, пришедшая от матери, ещё не вернулась во внешний мир и продолжала циркулировать в его теле, поэтому для отличного результата в практике хватало небольших усилий, вплоть до того, что большая часть чудесной пренатальной ци осталась в его энергетических каналах, так и не покинув тела.

Вследствие этого то, что для большинства практиков становилось преградой, способной привести к отклонению в практике и появлению внутреннего демона, для Фань Сяня не представляло особых проблем. В прошлой жизни болезнь приковала Фань Сяня к больничной койке на долгие годы, и он давно привык к тому, что его мозг не властен над телом, поэтому, когда он в первый раз столкнулся с такой ситуацией, он не запаниковал, а наоборот, почувствовал теплоту воспоминаний о прошлом. Таким образом, во время своей первой практики, когда он почувствовал ци и она начала двигаться в беспорядке, а его тело потеряло возможность шевелиться, он совсем не испугался. Именно это отсутствие страха помогло ему остаться спокойным, без хаотичных мыслей, и позволило преодолеть самую серьёзную преграду.

С этого момента практика стала намного проще. Он лишь повторял про себя мнемонику с секретами техники и естественным образом входил в состояние глубокой медитации. Этому он с удовольствием предавался каждый раз во время послеобеденного сна, поэтому даже раскаты грома не могли разбудить его. Большинству практиков обычно было сложно войти в состояние глубокой медитации, и для этого требуется удачное стечение обстоятельств. Способность входить в такое состояние каждый день во время послеобеденного сна было невообразимой роскошью. Небеса воистину благоволили ему.

Как только он проснулся, то обнаружил, что руки служанки подносят мокрое полотенце для умывания к его отдохнувшему милому личику. После сна он отправился в кабинет, чтобы учиться под руководством учителя с восточного моря, специально приглашённого для него графом Сынянь. Учитель был довольно молодым, где-то немногим старше тридцати, но от него веяло затхлостью старости.

Десять лет назад литературная деятельность в государстве Цин пережила расцвет и была проведена реформа для её улучшения. После публикации филологом Ху Ши его «Обсуждения литературного преобразования», начались сражения между сторонниками «старого языка» и «нового языка», которые встали по разные стороны баррикад.

Так называемый «старый язык» был в глазах Фань Сяня обычным классическим китайским, в то время как «новый язык» напоминал Байхуа*, хотя эта терминология и требовала уточнения.

Учитель Фань Сяня оказался пылким классицистом и заставлял ученика каждый день погружаться в классические канонические тексты. Хотя эта классика и отличалась от Четверокнижия и Пятикнижия, классических канонов в мире Фань Шэня, она была на удивление похожа по моральному содержанию и в общем и целом разница была не велика. Здесь тоже существовали течения мысли подобные конфуцианству, моизму, буддизму и даосизму. Во время первого урока Фань Сянь стал сильно сомневаться в том, куда же он на самом деле попал.

Лето выдалось душным, горячий воздух в кабинете поднимался к потолку. Учитель открыл южное окно, и вместе с прохладным освежающим бризом в комнату ворвался стрёкот цикад. Повернувшись, учитель застал Фань Сяня лежащим на столе в раздумьях. Он уже хотел отругать ученика, но, посмотрев на это прекрасное лицо, сам не зная отчего ощутил умиление.

По правде говоря, он весьма восхищался своим подопечным. В таком юном возрасте тот ясно излагал свои мысли и довольно хорошо понимал проникновенные слова и глубокий смысл произведений прошлого. Для четырёхлетнего мальчишки это было поистине нелегко.

У учителя также были свои сомнения. Граф Сынянь, похоже, очень беспокоился, и требования в его письме были настолько высоки, что учитель не смел их снизить и начал обучать четырёхлетнего ребёнка канонам классических писаний. Обычный человек на его месте изучал бы несколько доступных для детей его возраста простых иероглифов, и на этом всё.

Дождавшись конца занятия, Сянь уважительно поклонился учителю и учтиво подождал, пока тот покинет кабинет. Затем он скинул пропитавшийся потом верхний слой одежды и вылетел из кабинета. Последовавшие за ним служанки с тревогой кричали ему, чтобы он бежал осторожнее и смотрел под ноги.

Забежав во внутренний дворик, он остановился и очаровательно улыбнулся с самым невинным видом. Потом он важно, будто взрослый, вошёл в дом, посмотрел на сидящую в комнате старую госпожу и трогательно воскликнул:

— Бабушка!

Старая госпожа ласково улыбнулась. Время оставило на её лице множество глубоких морщин, однако изредка в её глазах появлялся блеск, говорящий, что она вовсе не так проста. Поговаривали, что граф Сынань достиг своего текущего положения не без помощи столичных связей своей матери.

— Что ты сегодня выучил?

Фань Сянь скромно встал перед бабушкой, сидящей на стуле, рассказал обо всём, что прошёл с учителем, вежливо поклонился, а потом побежал в боковой дворик покушать вместе с младшей сестрой.

Отношения между старой госпожой и её внуком казались странными. Возможно, из-за того что он был внебрачным ребёнком, старая госпожа хотя и не третировала его, но всегда очень строго с него спрашивала, явно постоянно сохраняя между ними дистанцию.

Фань Сянь помнил, как во времена, когда ему ещё не исполнилось и года, он плакал по ночам, и бабушка приходила, обнимала и укачивала его. Естественно, тогда она и подумать не могла, что младенец не только поймёт, но и надолго запомнит её слова:

— Дитя, ничего, если ты будешь во всём винить отца. Бедный малыш, только родился, а уже остался без матери.

**

Прошлое? Больше всего подозрений и сомнений у Фань Сяня вызывало именно оно. Как только он появился в этом мире, он сразу же столкнулся с убийцами. Хотя он знал, что его отец, граф Сынань, которого он никогда не видел, занимает высокую должность в столице, но кем же была его мать? В тот год граф Сынань сопровождал его величество в военном походе на запад, получается, что убийцы тогда пришли именно за матерью Фань Сяня.

Его тело стало пристанищем для души, пришедшей из другого мира, поэтому вполне естественно, что он не испытывал никаких сыновних чувств по отношению к отцу, которого никогда не видел. Но время от времени он задумывался о уже покинувшей этот мир женщине, которую в этой жизни называл матерью.

*Байхуа — официальная система записи современного разговорного китайского языка. Одна из форм китайского письма. Является наиболее близкой к разговорной норме китайского языка, создаёт лексическую и грамматическую основу современного литературного китайского языка.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/743669>